

О. Э. НИКИТИНА

Тверь

ОЧАРОВАННЫЕ ЗЛОМ: МИФ О БОННИ И КЛАЙДЕ В РУССКОМ РОКЕ

Аннотация: В статье в качестве прецедентного феномена русского рока рассматривается миф о легендарных грабителях Бонни Паркер и Клайде Бэрроу. На материале песен, принадлежащих авторству разных рок-поэтов, делается вывод о том, что для русского рока актуальными являются все основные семы киномифа о Бонни и Клайде, созданного в 1967 году американским режиссёром Артуром Пенном. Саму историю Бонни и Клайда русский рок воспринимает как эталон превращения реального человека в миф.

Ключевые слова: русский рок, прецедентный феномен, миф, Бонни и Клайд.

Сведения об авторе: Никитина Ольга Эдуардовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин ГБПОУ «Тверской колледж культуры им. Н. А. Львова».

Контакты: 170002, г. Тверь, просп. Чайковского, д. 19; nik-ol8@yandex.ru.

О. Е. НИКИТИНА

Тверь

THE MYTH OF BONNIE AND CLYDE IN RUSSIAN ROCK

Abstract: In the article the myth of the legendary robbers Bonnie Parker and Clyde Barrow is seen as a precedential phenomenon of Russian rock. The material of the study is based on the songs of various rock poets. The author concludes that Russian rock actualizes all semantic elements cinema-myth of Bonnie and Clyde, who created the American director Arthur Penn in 1967. Russian rock perceives story of Bonnie and Clyde as a model for the transformation of a real person into a myth.

Key words: Russian rock, precedential phenomenon, myth, Bonnie and Clyde.

About the author: Nikitina Olga Eduardovna, PhD of Philological Science, Head of Department of humanities at Tver College of Culture named after N. A. Lvov.

Романтизация образа героя-одиночки, осмелившегося нарушить сложившийся порядок вещей, то есть, по сути, преступника с точки зрения действующих в обществе законов, – тема, довольно часто встречающаяся в русском роке и, очевидно, требующая отдельного рассмотрения¹. Однако из всех когда-либо реально существовавших, литературных или киношных бунтарей и нарушителей закона, к чьим историям обращались русские рок-музыканты, только знаменитые американские грабители Бонни Паркер и Клайд Бэрроу упоминаются с завидной регулярностью. Причём востребованной оказалась не столько их реальная биография, сколько тот миф, который о них сформировался.

В русском роке существует по крайней мере три песни, которые носят название «Бонни и Клайд». Такие песни есть у Александра Васильева (группа «Сплин», альбом «Фонарь под глазом», 1997), Дианы Арбениной (группа «Ночные снайперы», альбом «Бонни & Клайд», 2007) и у Александра «Рикошета» Аксёнова (посмертный интернет-релиз «Выход Дракона», 2009). Обращались к этому мифу и другие отечественные рок-музыканты. В частности, интересны в этом отношении песня Андрея Князева «Двое против всех» (группа «Король и Шут», альбом «Тень Клоуна», 2008) и песня Юлии Кей «На первой полосе» с одноименного интернет-сингла группы «Korsika» (2010). Такое внимание к мифу о Бонни и Клайде говорит о его важности и актуальности для рок-сообщества, а все перечисленные случаи его репродукции свидетельствуют о наличии инварианта восприятия этого мифа в русском роке. Всё это позволяет рассматривать миф о Бонни и Клайде в качестве прецедентного феномена русского рока.

Рождение мифа. Миф о Бонни Паркер и Клайде Бэрроу начал формироваться ещё при их жизни – в 30-е годы XX века, которые вошли в историю как время Великой депрессии. Что примечательно, рождение этого мифа предопределил некий творческий импульс – увлечение Бонни и Клайда постановочными фотографиями, в котором явно читалось их желание создать совершенно определённые, идеализированные образы себя. Собственно эти снимки, попав на страницы американских газет после того, как были обнаружены полицейскими в покинутой легендарной парой квартире, и создали визуальный облик формирующегося мифа.

¹ В галерее образов таких героев-одиночек в русской рок-поэзии есть и пушкинский Дубровский, достигший просветления в одноимённой песне Бориса Гребенщикова («Он бросил свой щит и свой меч, швырнул в канаву наган, / Он понял, что некому мстить, и радостно дышит...») [7, с. 316]), и древнегреческий Прометей в одеждах из ницшеанской философии в песне Ильи Кормильцева «Бесы» («я украд ровно столько огня / чтобы больше его не красть») [11]), и безмянный ангелоподобный вор, умеющий ходить по воздуху, в песне того же Кормильцева «Воздух» («И хотя его руки были в крови, / Они светились, как два крыла») [12]), и благородный киллер Данила Багров из фильмов Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2». Я уверена, что вспомнила далеко не всех, но в данном случае это не столь существенно. Объединяет всех этих героев бунт против несправедливости мира, самопожертвование, искренность, одиночество и аскетизм, то есть всё то, что является доминантными составляющими образа рок-героя. Разница в том, что одни пишут свои песни при помощи музыки и слов, а другие – при помощи пуля. Впрочем, тему оставляю открытой.

Реальные Бонни и Клайд были ничем особо не примечательными бандитами, каких во времена Великой депрессии было немало. В основном они промышляли грабежами бензоколонок и маленьких магазинов, а также угоном автомобилей, да и в списке жертв банды Клайда по большей части – полицейские, погибшие во время перестрелок. Состояние отчаяния, страх перед смертью, постоянное бегство от преследующей их полиции – вот и всё, что можно сказать о жизни Бонни и Клайда. Счастливыми они были только на постановочных фотографиях: улыбающийся Клайд держит Бонни на одной руке; Бонни с сигарой в зубах и револьвером позирует на фоне автомобиля; Клайд сидит рядом с автомобилем, к бамперу которого приставлена целая галерея винтовок; Бонни улыбается и делает вид, что собирается выстрелить в Клайда из обреза. Именно эта игра в бесстрашных и неуловимых грабителей банков, попытка эстетизации жизни гангстера и его подруги, а вовсе не реальная преступная деятельность Бонни и Клайда становятся значимыми для мифа о них. Усилиями прессы и авторов бульварных детективов этот запечатлённый на фотографиях образ был демонизирован и в таком виде подхвачен народной молвой.

В 1932 году, когда происходит знакомство Бонни и Клайда и начинается история их совместных преступлений, в Голливуде, который первоначально способствовал превращению гангстера в народного героя, уже начал действовать этический кодекс Хейса, согласно которому нельзя было показывать преступника так, чтобы он вызывал симпатию и сочувствие у зрителя. Со стороны властей, озабоченных сохранением в обществе моральных устоев, не приветствовалось создание подобного образа в прессе и художественной литературе. Так вполне заурядные бандиты превратились в отчаянных грабителей банков и прирождённых убийц. При этом, по свидетельствам современников, Бонни, в отличие от Клайда, никого не убивала [5].

Несмотря на все попытки демонизации Бонни и Клайда, у них, как, впрочем, и у остальных гангстеров, всё же были сочувствующие. Разорившиеся фермеры и безработные, число которых в 1930-е годы в США неумолимо росло, настолько ненавидели политиков и банкиров, способствовавших обнищанию населения страны, что воспринимали грабителей банков как национальных героев. Те преступные способы, которыми гангстеры вели свою войну с государством, казались пострадавшим от экономического кризиса людям более честными, чем созданные этим государством законы. Однако в образе Бонни и Клайда была ещё одна, несомненно, привлекательная черта: они были не просто соучастниками преступлений, не просто грабителями, по-своему пытающимися восстановить социальную справедливость, они были любовниками, красивой и сексуальной парой. Публика, среди которой были не только сочувствующие, читала их жизнь как роман на страницах газет и детективов и смотрела как реалити-шоу, в финале которого зрителей ожидает эффектная смерть героев (свидетелями нескольких перестрелок банды Клайда с полицией были сотни

зрителей). После окончания этого «реалити-шоу» публика забывает о Бонни и Клайде на тридцать лет.

Киномиф Артура Пенна. В 1967 году на экраны кинотеатров выходит фильм американского режиссёра Артура Пенна «Бонни и Клайд», ставший, по мнению кинокритиков, свидетельством пришедшейся на 1960-е годы эволюции жанра гангстерского кино [16, с. 193]. Пенн не только ломает стереотипы самого жанра, но и возрождает миф о знаменитых грабителях, точнее – создаёт его романтизированную версию, в которой красивые и влюблённые друг в друга Бонни и Клайд выступают как герои, бросившие вызов целому миру, несмотря на то, что изначально обречены на гибель. Благодаря фильму Пенна в «мятежные шестидесятые» Бонни и Клайд становятся символом молодёжного бунта против буржуазной морали и общества потребления.

Нельзя сказать, что молодёжь 1960-х сделала своими кумирами грабителей и убийц только потому, что увидела в фильме Пенна то, что хотела увидеть. Лишь на первый взгляд может показаться, что Пенн создал обычный байопик, постаравшись придать истории о легендарных грабителях как можно больше подлинных деталей и очистив её от демонического налёта рождённого в 1930-е годы мифа. На самом деле фильм Пенна – это фильм-метафора. Пенн намеренно проводит параллели между событиями времён Великой депрессии и молодёжным протестным движением 1960-х годов. Бунтари Бонни и Клайд рождены на социальной обочине, там же в 1960-е годы формируются молодёжные субкультуры. Банда Клайда, пока не занимается грабежами, живёт подобно коммуне хиппи. Герои Пенна не признают буржуазных ценностей, не пытаются наладить быт, презирают деньги. Всё это в полной мере отвечает настроениям, господствующим среди молодёжи 1960-х. В 1960-е в США нет экономического кризиса, но правительство отправляет своих граждан на войну во Вьетнам. В конце фильма Бонни и Клайд оказываются такими же беззащитными перед расстреливающими их полицейскими, как и участники студенческих волнений в Калифорнийском университете Беркли перед направленными против них войсками. Но главное – брошенный Бонни и Клайдом вызов обществу был воспринят молодёжью 1960-х как воплощение абсолютного бунта [8], а форма бунта в конечном итоге не так уж и важна.

Привлекательность пенновского мифа о Бонни и Клайде заключается не только в полном трагизма одиноком бунтарстве его героев. Согласно иконографии гангстерского кино, гангстер – вообще герой трагический, ведь он «боец против социальной несправедливости и сам является её порождением» [16, с. 70], но в то же время «он преступник, нарушитель закона, и поэтому в конце концов он должен понести наказание» [16, с. 70]. При этом гангстер обладает ещё и чертами сверхчеловека, супермена, в чём, собственно, и заключается его исключительность, дающая ему силу и моральное право на борьбу с социальной несправедливостью. Пенн словно намеренно лишает Бонни и Клайда этих канонических сверхспособностей,

превращая их в обычных людей, и даже больше – лишает Клайда мужской силы, фактически делает его импотентом, что никак не вписывается в иконографию гангстерского кино, где герой самоутверждается не только за счёт умелого использования различных видов огнестрельного оружия, но и за счёт почти фантастической популярности среди женщин. Пенн творит свой миф от противного: он не героизирует и тем более не демонизирует Бонни и Клайда, он возвращает зрителя к исходной точке, к тому моменту, когда Бонни Паркер и Клайд Эрроу были не мифом, а реальными людьми, которые в силу сложившихся обстоятельств стали грабителями. Сила героев Пенна не в их сверхспособностях, а в их обычности, поэтому всё, что в 1930-е годы прессой и бульварной литературой преподносилось как абсолютное зло, в фильме Пенна если и не оправдывается, то совершенно точно вызывает сочувствие.

Однако обычное не способно стать мифом. Согласно диалектической формуле А.Ф. Лосева, четвёртым элементом мифа является чудо [13, с. 169]. И если в канонической версии любого гангстерского мифа чудесное – это те сверхспособности, которыми гангстеров наделяет молва, то в пенновской версии о Бонни и Клайде чудесным становится любовь. Эта любовь свободна от навязываемых обществом условностей. Она по-настоящему чудесна, потому что становится исцелением для Клайда, и настолько сильна, что в глазах зрителей способна искупить всё то зло, которое несут в себе совершённые Бонни и Клайдом преступления, поэтому и их убийство полицейскими сразу после романтической сцены выглядит неоправданно жестоким.

Бонни и Клайд русского рока. Русский рок воспринял пенновский миф о Бонни и Клайде как неотъемлемую часть американской субкультуры 1960-х, выразившей неконформистский пафос эпохи, и сохранил все ключевые семы мифа. Однако интерес к этому мифу в русском роке появляется не в момент зарождения рока как музыкального направления в нашей стране и его знакомства с западной традицией, а гораздо позже – в конце 1990-х – начале 2000-х. Известно, что по крайней мере в двух случаях из пяти русские рок-поэты обращаются к пенновской версии мифа о Бонни и Клайде опосредованно – под впечатлением от фильма американского режиссёра Оливера Стоуна «Прирождённые убийцы» (1994), который многие называют ремейком фильма Пенна. О влиянии на них фильма Стоуна говорят, комментируя свои песни, Диана Арбенина [2] и Андрей Князев [15]. Однако есть все основания утверждать, что даже в этих случаях в качестве прецедентного феномена в русском роке функционирует именно киномиф о Бонни и Клайде.

Бонни и Клайд – имена прецедентные не только для русского рока, но и для всей современной культуры, их вполне достаточно, чтобы актуализировать в сознании большинства определённые образы и связанную с ними историю, ставшую общеизвестной благодаря фильму Пенна, чего нельзя сказать о героях Стоуна. У Рикошета имена Бонни и Клайда при-

сутствуют и в названии, и в тексте песни, у Васильева и Арбениной – только в названии, у Юлии Кей – только в тексте, причём в инверсированном виде (Клайд и Бонни), у Князева – не упоминаются вовсе, однако до записи альбома «Тень Клоуна» они служили в качестве рабочего названия песни [14]. Несмотря на то, что, по словам Арбениной, ей ближе герои «Прирождённых убийц» Микки и Мэллори Нокс, и песню, и альбом она называет именами героев Пенна, а не Стоуна. А обложка диска «Ночных снайперов» цитирует одну из известных постановочных фотографий Бонни и Клайда и соответствующий этому кадру эпизод фильма Пенна. Да и Князев первоначально называет свою песню «Бонни и Клайд», а не «Прирождённые убийцы» и не «Микки и Мэллори». Это говорит о том, что история Бонни и Клайда воспринимается в русском роке как прецедентная ситуация, как эталон бунта двух влюблённых против остального мира.

Кроме того, в текстах всех пяти песен достаточно маркеров, указывающих на романтизированную Пенном версию мифа о знаменитых грабителях. То есть миф о Бонни и Клайде – это ещё и прецедентный текст. При этом ни одну из песен, репродуцирующих пенновский миф, нельзя назвать простым переводом на музыкально-поэтический язык киноистории о легендарной паре. В песнях русского рока Бонни и Клайд всегда предстают в момент смерти, незадолго до него или уже после. Каждая из песен – это либо не состоявшийся в фильме диалог между влюблёнными, либо обращённый к Бонни монолог Клайда. Использование ролевых приёмов позволяет стать на позиции самих героев и попытаться увидеть мир их глазами.

В русском роке те, кому Бонни и Клайд бросают вызов, никак не идентифицированы и предельно обобщены, в то время как у Пенна их социальные роли вполне конкретны: родители, банкиры, политики, полицейские. В отличие от киномифа Пенна, миф о Бонни и Клайде в русском роке лишён социального контекста. Есть двое влюблённых, и есть мир, который их не принимает и стремится уничтожить. Мир несправедлив априори, и бунт одиночек против этого мира – проблема экзистенциального характера. В песнях у Бонни и Клайда нет даже банды, что делает их одиночество абсолютным. Они не доверяют никому, кроме друг друга:

Никому не доверяй
Наших самых страшных тайн
Никому не говори, как мы умрём
(Александр Васильев [6]).

Мир заслуживает лишь презрения; единственное, что имеет ценность, – это возможность быть вдвоём:

Презираю этот мир!
Миром его называть не хочу.
Ты со мною, я с тобою,

Ты всё болтаешь, а я всё молчу
(Андрей Князев [10]).

В фильме Пенна только Бонни и Клайд предстают как активные, жаждущие деятельности и находящиеся в постоянном движении герои [8]. В русском роке движение и скорость дают Бонни и Клайду возможность быть вдвоём и оставаться живыми:

Продадут нас, как и всех героев,
Но пока мы мчимся – мы вдвоём.
<...>
Нас покажут как мёртвых героев.
Милая, газуй, ведь мы вдвоём
<...>
Нас подставят, как и всех мёртвых героев,
Но неважно, мы были вдвоём
(Александр Аксёнов [1]).

Именно поэтому так страшно умирать поодиночке, но и в этом случае движение, возможность догнать того, кто умрёт первым, восстанавливает нарушенное смертью единение героев:

Как страшно умирать второй,
Страшно умирать второй!
Но если я умру быстрее
Тебя – ты догоняй!
(Диана Арбенина [4]).

И сбылись мечты.
В этом тёмном мире,
Только я и ты,
Мы в одной могиле
(Андрей Князев [10])¹.

Тот мир, в котором Бонни и Клайду приходится жить, воспринимает их как особо опасных, потому что они не признают созданных миром правил, но при этом мир находит творимое ими зло обаятельным и намеренно преувеличивает его, чтобы привлечь как можно больше внимания к тем, кого преследует:

Клайд и Бонни... Тьма историй
врут про нас каждый раз...
<...>

¹ Князев меняет историю Бонни и Клайда в духе страшных сказок «Короля и Шута». Персонаж, который может быть идентифицирован как Клайд, оказывается погребённым живого и умирает не от пуль преследователей, а от удущья.

Вспышки камер, зла обаяние, новость
дня – это я... Дьявол в белом, узор
прицелов, смех войны – это ты...

(Юлия Кей [9])

Игра в гангстеров заменяет Бонни и Клайду реальную жизнь, желание быть известными оборачивается стремлением мира, принявшего вызов героев, включить их в коллекцию своих мифов, продать как сенсацию на первой полосе газет:

Двое обнялись уже в прицеле
А на завтра мир их фото раскупал,
Читая надпись в углу:
«Нас достанут, нас раздавит,
Как красивых бабочек, альбом.
Нас подставят, как и всех мёртвых героев,
Но неважно, мы были вдвоём»

(Александр Аксёнов [1]).

История Бонни и Клайда становится не только эталоном бунта, но и эталоном превращения реальных людей в миф.

Главное, что противопоставляет героев миру – это их любовь, данная друг другу клятва верности:

Верность диких против общих правил,
Клятва двух нарвётся на оскал

(Александр Аксёнов [1]).

То, что привлекало публику в легендарной паре ещё в 1930-е годы и стало чудесной составляющей пенновского мифа о Бонни и Клайде, в русском роке оказалось возведённым в абсолют. Комментируя свою песню, Диана Арбенина говорит, что надеется «получить ответ на вопрос – почему убийство может быть оправдано?» [3] и видит это оправдание в тех чувствах, которые Бонни и Клайд «испытывали друг к другу настолько сильно, насколько их не могли испытывать те люди, которых они положили» [2]. Всем, кроме Бонни и Клайда, в способности любить отказано:

Мы в себе уносим пули,
В себе уносим раны
Всех тех, кого убили,
Кто никогда не знал любви,
Никогда не знал любви...

(Диана Арбенина [4]).

И всё-таки, какими бы симпатичными не казались влюблённые друг в друга экранные Бонни и Клайд, они остаются убийцами. Пенн соблюдает историческую достоверность: его герои, попав в засаду, погибают в конце

фильма. Такой финал – это ещё и дань традициям гангстерского кино, согласно которым возмездие за совершённое зло неизбежно.

Мотив возмездия присутствует и в песнях русских рок-поэтов. Убивая других, Бонни и Клайд словно берут их жизни взаимы:

Два в
обойме, дыхания скорость, жизнь
взаимы – это мы...

(Юлия Кей [9])

Поэтому смерть Бонни и Клайда становится возвращением этого долга:

Мы в себе уносим пули,
В себе уносим раны
Всех тех, кого убили

(Диана Арбенина [4]).

Убийство реальных Бонни и Клайда по своей жестокости превзошло их преступления: на двоих им досталось 110 пуль [5], хотя при меткой стрельбе вполне хватило бы и двух. У Пенна сцена расстрела легендарной пары приобретает особое значение не только потому, что это финал фильма и точка в истории Бонни и Клайда, но и потому, что отдельные её фрагменты сняты революционным для того времени методом – с замедленной скоростью. Пенн показывает смерть героев красиво, без лишнего натурализма, а жестокость и красота в одном кадре не могут оставить зрителя равнодушным.

В русском роке именно пули, которыми были убиты Бонни и Клайд, воспринимаются как искупление их вины за совершённые преступления, их прощение и билет на небо:

Мы лежим на облаках,
А внизу бежит река,
Нам вернули наши пули все сполна

(Александр Васильев [6]).

Таким образом, пенновский киномиф о Бонни и Клайде не только в полной мере оказывается освоен русским роком, но и получает продолжение, причём тоже весьма кинематографичное, вполне в духе так называемых *post-credits scene* (сцен после финальных титров).

И в этой сцене появляется новая для мифа о Бонни и Клайде фигура – бог, причём бог настоящий, поскольку тот бог, в которого верит весь остальной мир, дискредитирован искажённой моралью (в фильме Пенна воплощением религиозного лицемерия является Бланш, дочь священника и жена старшего брата Клайда [8]). Убийц и нарушителей спокойствия земного мира прощает смеющийся бог, который любит красота Бонни:

В этой книге между строк
Спрятан настоящий бог,
Он смеется и любитесь тобой

(Александр Васильев [6]).

Доказательством того, что для русского рока важно не столько оправдание преступлений Бонни и Клайда, сколько прощение их богом, служат и слова Дианы Арбениной: «Мне кажется, смысл этой легенды в том, что, убив так много людей, главные герои всё же попали на небо. И главное, там их принял Господь» [2].

И напоследок несколько финальных обобщений. Русские рок-поэты не пытаются дать объяснение мотивам бунта Бонни и Клайда против мира. Как и в культуре «мятежных шестидесятых», он воспринимается ими как абсолютный. Гораздо важнее для русского рока оказывается вопрос о возможности прощения убийц только за то, что они любили друг друга. А сама история Бонни и Клайда воспринимается как эталон превращения реальных людей в миф.

Литература

1. *Аксёнов А.* Бонни и Клайд [Расшифровка аудиозаписи]: Текст песни / А. Аксёнов // Рикошет. Выход Дракона (интернет-релиз) [Электронный ресурс]: Неофициальный сайт группы «Объект насмешек». – Режим доступа: http://www.obekt-rikoshet.narod.ru/disk/vd_rikki/index.html (дата обращения: 01.05.2015).

2. *Арбенина Д.* Бонни & Клайд [Электронный ресурс]: Комментарий к песне / Д. Арбенина // Диана Арбенина: неофициальный сайт поэта, музыканта, лидера группы «Ночные снайперы». – Режим доступа: http://arbenina.com/#text_pages/lyrics/bonni_i_klajd/11_bonni_i_klajd.html (дата обращения: 01.05.2015).

3. *Арбенина Д.* Бонни & Клайд [Электронный ресурс]: Комментарий к песне / Д. Арбенина // Официальный сайт группы «Ночные снайперы». – Режим доступа: <http://snipers.net/b-k/> (дата обращения: 01.05.2015).

4. *Арбенина Д.* Бонни & Клайд [Электронный ресурс]: Текст песни / Д. Арбенина // Диана Арбенина: неофициальный сайт поэта, музыканта, лидера группы «Ночные снайперы». – Режим доступа: http://arbenina.com/#text_pages/lyrics/bonni_i_klajd/11_bonni_i_klajd.html (дата обращения: 01.05.2015).

5. Бонни и Клайд [Электронный ресурс]: Электронная статья // Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бонни_и_Клайд (дата обращения: 01.05.2015).

6. *Васильев А.* Бонни и Клайд [Электронный ресурс]: Текст песни / А. Васильев // Официальный сайт группы «Сплин». – Режим доступа: <http://splean.ru/music/album/3/> (дата обращения: 01.05.2015).

7. *Гребенщиков Б.Б.* Дубровский [Текст песни] / БГ // Гребенщиков Б.Б. Песни. – М.: Эксмо, 2013. – С. 316–317.

8. *Дединский С.* «Снимая убийство Бонни и Клайда, я думал о смерти президента Кеннеди» [Электронный ресурс]: Электронная статья // Distantlight.Tv: сайт. – Режим доступа <http://distantlight.tv/index.php/ru/component/k2/item/35.html> (дата обращения: 01.05.2015).

9. *Кей Ю.* На первой полосе [Электронный ресурс]: Текст песни / Ю. Кей // Korsika. На первой полосе (интернет-сингл). – Режим доступа: <http://dark-world.ru/albums/Korsika-Na-pervoi-polose-Single.php> (дата обращения: 01.05.2015).

10. *Князев А.* Двое против всех [Электронный ресурс]: Текст песни / А. Князев // Официальный сайт группы «Король и Шут». – Режим доступа: <http://www.korol-i-shut.ru/popup/lyrics/1133/> (дата обращения: 01.05.2015).

11. *Кормильцев И.* Бесы [Электронный ресурс]: Текст песни / И. Кормильцев // «Время Z» – журнал для интеллектуальной элиты общества: сайт. – Режим доступа: <http://www.ytime.com.ua/ru/50/1372> (дата обращения: 01.05.2015).

12. *Кормильцев И.* Воздух [Электронный ресурс]: Текст песни / И. Кормильцев // «Время Z» – журнал для интеллектуальной элиты общества: сайт. – Режим доступа: <http://www.ytime.com.ua/ru/50/1382> (дата обращения: 01.05.2015).

13. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21–186.

14. *Ступников Д.* «Король и Шут»: «Маньячизм – это наш протест против попсы» [Электронный ресурс] Электронная статья / Д. Ступников // Музыка KM.RU: сайт. – Режим доступа: <http://www.km.ru/music/9aee742beac44e14a66d1da0ed677e40> (дата обращения: 01.05.2015).

15. *Шаповалова Д.* «Король и Шут»: интервью порталу НАШЕ.ru [Электронный ресурс] Электронная статья / Д. Шаповалова // Официальный сайт группы «Король и Шут». – Режим доступа: <http://www.korol-i-shut.ru/press/21/1120/> (дата обращения: 01.05.2015).

16. *Шестаков В. П.* Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» [Текст] / В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1988. – 224 с.